

ГШЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

V

ФЕВРАЛЬ

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Анна Ахматова . . .	3
Грааль Арельскій . . .	8
Сергѣй Городецкій . .	11
А. Горчаковъ . . .	15
Георгій Ивановъ . . .	17
О. Мандельштамъ . . .	21
Б. Эйхенбаумъ . . .	25
Отъ редакціи . . .	26
Критика . . .	27

1.

СМЯТЕНІЕ.

I.

Было душно отъ жгучаго свѣта,
А взгляды его, какъ лучи...
Я только вздрогнула. Этотъ
Можетъ меня приручить.

Наклонился. Онъ что-то скажетъ.
Отъ лица отхлынула кровь.
Пусть камнемъ надгробнымъ ляжетъ
На жизни моей любовь.

II.

Не любишь, не хочешь смотрѣть.
О, какъ ты красивъ, проклятый!
И я не могу взлетѣть,
А съ дѣтства была крылатой.

Мнѣ очи застилъ туманъ,
Слилось все: вещи и лица...
И только красный тюльпанъ,
Тюльпанъ у тебя въ петлицѣ.

III.

Какъ велить простая учтивость,
Подошелъ ко мнѣ. Улыбнулся.
Полу-ласково, полу-лѣнливо
Поцѣлуемъ руки коснулся.

И загадочныхъ древнихъ ликовъ
На меня поглядѣли очи.
Десять лѣтъ замираній и криковъ,
Всѣ мои бессонныя ночи.

Я вложила въ тихое слово
И сказала его напрасно.
Отошелъ ты, и стало снова
На душѣ и пусто и ясно.

2.

Умирая, томлюсь о безсмертїи.
Низко облако пыльной мглы.
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чанъ зловонной смолы

Приползайте ко мнѣ, лукавьте,
Угрозы изъ ветхихъ книгъ.
Только память вы мнѣ оставьте,
Только память въ послѣдній мигъ.

Чтобъ въ томительной вереницѣ
Не чужимъ показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.

Смертный часъ, наклонясь, напоить
Прозрачною сулемой,
А люди придутъ, зарюютъ
Мое тѣло и голосъ мой.

3.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Вижу выцвѣтшій флагъ надъ таможеней
И надъ городомъ желтую муть.
Вотъ ужъ сердце мое осторожнѣй
Замираетъ. И больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской дѣвчонкой,
Туфли на босу ногу надѣть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованнымъ голосомъ пѣть.

Все глядѣть бы на смуглыя главы
Херсонесскихъ церквей у крыльца
И не знать, что отъ счастья и славы
Безнадежно дряхлѣютъ сердца.

...И на ступеньки встрѣтить
 Не вышли съ фонаремъ.
 Въ невѣрномъ лунномъ свѣтѣ
 Вошла я въ тихій домъ...

Подъ лампою зеленой,
 Съ улыбкой неживой,
 Другъ шепчетъ: „Сандрильона!
 Какъ страненъ голосъ твой.“

Въ каминѣ гаснетъ пламя,
 Томя, трещитъ сверчокъ.
 Ахъ, кто-то взялъ на память
 Мой бѣлый башмачокъ.

И далъ мнѣ три гвоздики,
 Не подымая глазъ.
 О, милыя улики,
 Куда мнѣ спрятать васъ!

И сердцу горько вѣрить,
 Что близокъ, близокъ срокъ,
 Что всѣмъ онъ станетъ мѣрить
 Мой бѣлый башмачокъ.

Столько просьбъ у любимой всегда,
 У разлюбленной просьбъ не бываетъ...
 Какъ я рада, что нынче вода
 Подъ безцвѣтнымъ ледкомъ замираетъ.

И я стану—Христось помоги!—
 На покровъ этотъ свѣтлый и ломкій,
 А ты письма мои береги,
 Чтобы насъ разсудили потомки.

Чтобъ отчетливѣй и яснѣй
 Ты былъ виденъ имъ, мудрый и смѣлый,
 Въ біографіи славной твоей
 Развѣ можно оставить пробѣлы.

Слишкомъ сладко земное питье,
 Слишкомъ плотны любовныя сѣти...
 Пусть когда нибудь имя мое
 Прочитають въ учебникѣ дѣти

И, печальную повѣсть узнавъ,
 Пусть они улыбнутся лукаво.
 Мнѣ любви и покоя не давь,
 Подари меня горькою славой.

Грааль Арельскій.

1.

ПРЕДКИ.

Зазвѣлились узоры длинные
На коврахъ отъ хрустальныхъ вазъ.
На стѣнѣ часы старинные
Звонко бьютъ двѣнадцать разъ.

Я зажегъ всѣ люстры въ комнатѣ.
Столъ въ цвѣтахъ, накрытъ давно.
Оживите, предки! вспомните,
Какъ вы пили прежде вино.

Выходите, сверкая лентами,
Изъ старинныхъ, массивныхъ рамъ,
Очаруйте же комплиментами
За столомъ замолчавшихъ дамъ.

Разскажите, какъ шли пустынями,
Какъ миражъ измѣнялъ пески,
Какъ повелъ, въ борьбѣ съ сарацинами,
Самъ Король впередъ полки.

И, поднявъ свой кубокъ сверкающій,
Я забуду, что я живой,
Что теперь средь людей блуждающій
Я ненужный и всѣмъ чужой.

2.

ВЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

1.

Мы мчались на воздушномъ кораблѣ...
Мой спутникъ былъ всегдашній незнакомецъ.
Его встрѣчалъ я раньше на землѣ

Въ своихъ мечтахъ, и въ молніи, и въ громѣ...
И видѣлъ часто, — шелъ онъ впереди
Паломниковъ усталыхъ и паломницъ.

Ахъ, онъ зажегъ огонь въ моей груди,
И я взалкалъ несбыточныхъ желаній,
Незримыхъ странъ. Онъ мнѣ сказалъ: „иди!

„Найдемъ страну въ безводномъ океанѣ“.
И всталъ безстрашно, властный, у руля...
Подъ нами въ безднѣ, точно на экранѣ,

Висѣть осталась скорбная земля.

II.

Какъ много солнць въ мерцающемъ просторѣ,
Несущихся, какъ призраки, кометь...
Но я скорблю... Въ моемъ горящемъ взорѣ

Еще горитъ земли прощальный свѣтъ.
И вижу я: туманъ клубится душный,
На пашняхъ оставляя бѣлый слѣдъ,

И серпъ луны печально-равнодушный
Устало жнетъ поблекшій звѣздный ленъ.
Но слышу я: „Мужайся, малодушный!

„Нашъ смѣлый летъ побѣдно окрыленъ.
„Смотри на Югъ, — замѣтны очертанья
„Иной земли. Надъ нею свѣтъ зажженъ

„Двухъ разныхъ солнць въ немеркнущемъ сіяньи“.

Сергѣй Городецкій.

1.

Ө. ТЮТЧЕВУ.

Въ лавченкѣ тѣсной милаго глупца
Твоихъ твореній первое издание
Пріобрѣсти—какое ликованье!
Учуть смутно вѣянье творца...

Какъ дороги истлѣвшіе листы,
Ритмичный трепеть каждаго абзаца,
И типографія Эдварда Праца,
И титула надменные черты!

2.

НИКОЛАЮ МОРОЗОВУ.

Сѣдой и юный, Руси простившій
И казематъ свой, и кандалы,
Скажи, видалъ ли средь звѣздной мглы,
Въ нее пытливый свой взоръ вперивши,

Такія страны, какъ этой дикой
Руси родимой ночная гладь,
Гдѣ жизни буйственно-великой
Дано такъ жалко трепетать?

3.

АННѢ АХМАТОВОЙ.

Въ началѣ вѣка профиль странный
 (Истонченъ онъ и горделивъ)
 Возникъ у Лиры. Звукъ желанный
 Раздался, нѣжно воплотивъ

Обиды, горечь и смятенье
 Сердцеъ, выдавшихъ острие,
 Гдѣ въ незабвенномъ столкновеньи
 Два вѣка бились за свое.

4.

БОРИСУ ВЕРХОУСТИНСКОМУ.

Хрычей, и дѣвокъ, и глазастой,
 Бѣловихрастой дѣтвора
 До времени и до поры
 Лишень мой духъ. Но часто, часто

Тоской тоскую по деревнѣ;
 Свистульку, кумача лоскутъ
 Несу, какъ чудо, съ вѣрой древней,
 Въ свой страшный городской уютъ.

Н. ГУМИЛЕВУ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ пламени и дымѣ
 Встрѣчаемъ вмѣстѣ каждый бой,
 Какъ будто судьбами своими
 Мы помѣнялися съ тобой.

Ты въ глубь Россіи смотришь строго,
 Какъ бодрый кормчій сквозь туманъ.
 Меня далекая дорога
 Ведетъ къ познанью чуждыхъ странъ.

М. ЗЕНКЕВИЧУ.

Я отрокомъ въ музеѣ межъ звѣрей бродилъ,
 Учась творить многообразно и едино.
 Вдругъ птеродактиля распластаннаго вскрылъ
 Передо мною желтый камень за витриной.

Изысканныхъ костей стремительный составъ
 Еще младенчески—просторными глазами
 Схватилъ—и тѣло прежнее свое узнавъ,
 Рыдалъ безсмысленно—блаженными слезами.

О. МАНДЕЛЬШТАМУ.

Онъ вѣрить въ вѣсъ, онъ чтить пространство,
 Онъ нѣжно любить матеріаль.
 Онъ вещества не укорялъ
 За медленность и постоянство.

Строфы содружную квадригу
 Онъ любитъ, буйно разогнавъ,
 Остановить. И въ томъ онъ правъ,
 Что вѣренъ вѣчности и мигу.

ВЛАДИМИРУ НАРБУТУ.

Корявой погани, грибья и хворостины,
 Разлапыхъ пней, корягъ и дупель вѣсковыхъ
 Всѣ тайны выглядѣвъ, худой и долгоспиный,
 Хохоль разыгралъ на струнахъ. Изъ воловъ жи-
 выхъ

Жестокій, вытянулъ онъ эти струны-жилы,
 Не обтянувъ, на гусяхъ грубыхъ растянулъ—
 И вольный вихрь степеней хохлацкихъ вдругъ по-
 дулъ,

Сырые звуки стали нерушимо милы.

А. Горчаковъ.

— Войди подъ хвойные навѣсы
И, расширяя томный взглядъ,
Лови напѣвъ полдневной мессы
И пей истомный смольный ядъ!

Во мракъ вѣтвей войди несмѣло
И лягъ на среброкудрый мохъ...
И стройное простерлось тѣло,
И перси расширяетъ вздохъ.

— И, чуткое напрягни ухо,
Лови далекій смутный стонъ!..
И кровь ударить въ сердцѣ глухо,
И знаетъ сердце: это онъ!

Лишь бедра юныя покрыты
Какъ снѣгъ блистающимъ руномъ,
Подъ кожей мускулы налиты
Тугимъ и розовымъ узломъ.

Напѣвъ... Шаги... Ужъ близко, близко...
Проешь по дрогнувшимъ кустамъ
И вдругъ лицо склоняетъ низко
Къ твоимъ трепещущимъ устамъ;

Цѣлуетъ хладныя ланиты,
Ласкаетъ блѣдное лицо,
И руки тѣсно перевиты
Въ одно пьянящее кольцо.

А Панъ на деревѣ мохнатомъ
Прядетъ зеленую кудель.
Лишь стрѣлы солнца дожднымъ златомъ
Проникнуть въ тайную купель.

1.

Я кривляюсь вечеромъ на эстрадѣ,—
 Пьеро двойникъ.
А послѣ, ночью, въ растрепанной тетради
 Веду дневникъ.

Записываю: кѣмъ мнѣ подарокъ обѣщанъ,—
 Обѣщанъ только!..—
Сколько получилъ я за день затрепанныхъ
 И улыбокъ сколько;

Что было на ужинъ: горохъ, картофель —
 Все ѣмъ, что ни дашь.
...А иногда и Пьереты профиль
 Чертить карандашъ.

На шеѣ—мушка, подбородокъ—поднять,
 Длинна рѣсница...
Рисую и думаю:—„А вдругъ сегодня
 Она приснится!“

Запись окончу любовными мольбами,
Вздохнувъ неразъ.
Утромъ проснусь съ пересохшими губами,
Круги у глазъ.

2.

АКТЕРКА.

М. Моравской.

Дуль влажный вѣтеръ весенній,
Тусклѣла закатная синева,
А я на открытой сценѣ
Говорила прощальныя слова.

И потомъ печально, какъ надо,
Косу свою расплела,
Приняла безвреднаго яду,
Вздохнула — и умерла.

Хлопали зрители негромко,
Занавѣсъ съ шуршаньемъ упалъ.
Я встала. На сценѣ—потемки.
Звякнулъ опрокинутый бокаль...

Подымаюсь по лѣстницѣ скрипучей..
Дома—ждетъ за чаемъ мать.
Боже мой, какъ смѣшно, какъ скучно
Для ужина воскресать!

3.

Китайскіе драконы надъ Невой
Раскрыли пасти въ ярости безвредной,
Вы, слышавшіе грохотъ пушекъ мѣдный
И поражаемыхъ боксеровъ вой.

Но говорятъ, что полночью, зимой,
Вы просыпаетесь въ мигъ заповѣдный.
То чудо узрѣвшій—отпрянетъ, блѣдный,
И падаетъ съ разбитой головой.

А поутру, когда румянцемъ скупо
Разсвѣтъ Неву стальную озаритъ,
На плитахъ стынущихъ не видно тупа.

Лишь кровь на каменныхъ устахъ горитъ,
Да въ хищной лапѣ, съ яростью безцѣльной,
Одинъ изъ васъ сжимаетъ крестъ натѣльный.

4.

Измученъ ночью ядовитой,
Безсонницею и виномъ,
Стою, дышу передъ раскрытымъ
Въ туманъ свѣтлѣющій окномъ.

И вижу очертанья вѣтокъ
Въ лилово-розовомъ дыму...
И нѣтъ вопроса, нѣтъ отвѣта,
Котораго я не приму.

Отдавшись нѣжному безволю,
Слѣжу за вами, облака.
И легкой головною болью
Томить вчерашняя тоска.

1.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СТРОФЫ.

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна—какъ броненосецъ въ докѣ—
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой—посольства полуміра,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власяница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба—
Онѣгина старинная тоска;
На площади сената—валь сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія посѣщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродягъ мужики.

Летить въ туманъ моторовъ вереница;
Самолюбивый, скромный пѣшеходъ—
Чудакъ Евгенийъ—бѣдности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянетъ!

2.

Въ душномъ барѣ иностранецъ,
Я нервѣтко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлегъ.

Кто, скажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутишь,
Если явь—Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранить?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣлъ пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы—
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

3.

ЛЮТЕРАНИНЪ.

Я на прогулкѣ похороны встрѣтилъ,
Близъ протестантской кирки, въ воскресенье.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волненье.

Чужая рѣчь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забила, лицемѣрка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучерьъ правилъ въ даль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Быль взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витійствовать не надо,
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1.

Н О Ч Н О Е.

Ночная грудь морозно дышетъ,
И въ пламени небесныхъ свѣчъ
Вся тварь земная ясно слышитъ
Святую, медленную рѣчь.
Смотрю, дышу — и снова вѣрится,
Что не напрасно слышу звонъ,
Что въ опрокинутой Медвѣдицѣ
Нездѣшній пламень отраженъ.

2.

С Н Ы.

Прошла гроза, стемнѣлъ закатъ,
Деревья тихо шелестятъ,
Спятъ птицы въ острыхъ еляхъ,
Спятъ дѣти въ колыбеляхъ.

Всю ночь, надъ теплою землей,
Обнявшись бѣлою толпой,
Проходятъ сны — людскіе,
И птичьи, и другіе;

Колеблютъ дѣтскія сердца
И вокругъ планетнаго кольца,
Безкрылые, летаютъ
И тихо, тихо таютъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Въ опроверженіе появившихся въ печати невѣрныхъ свѣдѣній, редакція считаетъ необходимымъ заявить, что „Гиперборей“ не является ни органомъ „Цеха Поэтовъ“, ни журналомъ поэтовъ-акмеистовъ. Печатающія стихотворенія поэтовъ, примыкающихъ къ обѣимъ названнымъ группамъ, на равныхъ основаніяхъ съ другими, редакція принимаетъ во вниманіе исключительно художественную цѣнность произведеній, независимо отъ теоретическихъ воззрѣній ихъ авторовъ.

К Р И Т И К А.

Вадимъ Гарднеръ. Отъ жизни къ жизни. Изд. „Альціона“. Москва 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Вадима Гарднера принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не допускаютъ равнодушнаго къ себѣ отношенія. Слишкомъ буйная жизнь бьется въ ней. Къ своимъ темамъ авторъ относится съ исключительной страстностью, и ея печатью отмѣчены всѣ его стихи. Здѣсь — стремительное столкновеніе образовъ, неожиданныя повороты мысли, выразительность и новизна эпитетовъ, свободная игра воображенія. Въ яркости и порывистости—главная сила стиховъ В. Гарднера, но этимъ же качествамъ обязанъ онъ и своими неудачами.

Содержаніе сборника „Отъ жизни къ жизни“, разбитаго на дѣльный рядъ отдѣловъ, весьма разнообразно: экстатически-религіозные порывы, гдѣ образы растворяются подчасъ въ безформенную отвлеченность, обильныя живыми подробностями картины природы, полупшуточныя стихотворенія, иногда слишкомъ ужъ непритязательныя. Но Вадимъ Гарднеръ умѣетъ счастливо сочетать разнородные элементы своей поэзіи, и тѣ страницы, гдѣ конкретность слита съ открытой фантазіей—лучшія въ книгѣ.

М. А.

Вадимъ Шершеневичъ. Carmina. Лирика.
Кн. 1. Москва 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Вадимъ Шершеневичъ очень неплохо владѣеть стихомъ; темы его въ мѣру разнообразны. Въ его книгѣ встрѣчаются прекрасныя строки, иногда и строфы, чувствуется хорошее знакомство съ нашей поэзіей, старой и новой... Эти качества—радуютъ, но, къ сожалѣнію, столь много значащій для лирика вкусъ у Вадима Шершеневича небезупреченъ. Это чувствительно даетъ себя знать при чтеніи „Carmina“. Такъ, Вадимъ Шершеневичъ пишетъ цѣлыя стихотворенія рѣшительно безъ всякаго содержанія, только чтобы блеснуть вычурными риѳмами; онъ почитаетъ изысканнымъ многое, давно ставшее достояніемъ третьестепенныхъ стихотворцевъ и превратившееся въ пошлость. Ничто иное, какъ слѣдствіе дурного вкуса, и нечуткость, съ которой онъ, подражая различнымъ поэтамъ, беретъ у нихъ самое случайное и преходящее. Оттуда же и досадная „красивость“ многихъ его стихотвореній.

Все это, конечно, расхолаживаетъ... Но, если вспомнить, что дурной вкусъ порою, при усиленной работѣ, исправимъ,—а въ книгѣ Вадима Шершеневича видна именно такая работа и настоящая любовь къ поэзіи,—можно надѣяться, что въ будущихъ его стихахъ мы увидимъ качества, въ „Carmina“ отсутствующія: строгость къ себѣ, вѣрный вкусъ и самостоятельность.

Г. И.

Са докъ Судей II. Изд. „Журавль“. СПБ. б. о. г.

Кружокъ писателей, объединившихся для изданія этого сборника, невольно внушаетъ къ себѣ довѣріе, какъ и несомнѣнной своей революціонностью въ области слова, такъ и отсутствіемъ мелкаго хулиганства. Главное вниманіе онъ удѣляетъ пересмотру стилистическихъ проблемъ и стремится вернуть слову ту крѣпость и свѣжесть, которая утеряна имъ отъ долгаго употребленія. Къ сожалѣнію, въ погонѣ за стилемъ упускаются изъ виду требованія ритмики и композиціи, и такимъ образомъ произведенія не имѣютъ той цѣльности, которая сдѣлала бы ихъ значительными.

Подборъ авторовъ не вполне удаченъ. В. Маяковскій имѣетъ много общаго съ эго-футуристами. Елена Буро приближается къ Борису Зайцеву и неоимпрессионистамъ. Дешевая краснота Б. Лившица иногда непріятна. Самыми интересными и сильными можно назвать В. Хлѣбникова и Николая Бурлюка.

Н. Г.

ГИПЕРБОРЕЙ

ежемѣсячникъ стиховъ и критики,
выходящій 10 разъ въ годъ
при непосредственномъ участіи
Сергѣя Городецкаго и Н. Гумилева.

Подписная цѣна: на годъ—1 р. 50 к. съ достав-
кой и пересылкой; за границу—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго №—25 к.

За перемѣну адреса—30 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Книж-
ный складъ М. Аверьянова, Фонтанка, 38). Тлф. 128-55.

Адресъ редакціи: Спб., В. О., Волховской пер. 2,
кв. 27. Тлф. 577—63.

Пріемъ по четвергамъ отъ 1 до 3 час.

Редакторъ-издатель М. Лозинскій.